

LATVIJAS UNIVERSITĀTES
RAKSTI
705. SĒJUMS

LITERATŪRZINĀTNE,
FOLKLORISTIKA,
MĀKSLA

SCIENTIFIC PAPERS
UNIVERSITY OF LATVIA
VOLUME 705

LITERATURE,
FOLKLORE, ARTS

SCIENTIFIC PAPERS
UNIVERSITY OF LATVIA
VOLUME 705

LITERATURE,
FOLKLORE, ARTS

LATVIJAS UNIVERSITĀTES
RAKSTI

705. SĒJUMS

LITERATŪRZINĀTNE,
FOLKLORISTIKA,
MĀKSLA

Мотив “прозрения” в мемуарной книге А. Ремизова “Подстриженными глазами”

Motif of “Revelation” in Remizov’s Book of Memoirs “Podstrizhennymi Glazami”

Apgaismības motīvs A. Remizova memuāru grāmatā “Podstrizhennymi glazami”

Сергей Доценко

Tallinas Universitāte, Slāvu filoloģijas nodaļa, Krievu literatūras katedra
e-mail: dotsenkosergei@hotmail.com

В статье рассматривается эпизод из мемуарной книги писателя А. Ремизова “Подстриженными глазами” (встреча с Федей-юродивым), который вводит тему “прозрения” как способа осознания себя через призму “юродства”. В своеобразном “юродстве” Ремизова надо видеть глубоко осознанный писателем тип поведения, как в жизни, так и в литературном творчестве. Без его анализа трудно объяснить многие факты и интенции биографии и творчества Ремизова, а особенно – его автобиографический миф о самом себе.

Ключевые слова: русская литература, мемуары, поэтика, автобиографический миф, А.М. Ремизов.

М.М. Бахтин в статье “К методологии гуманитарных наук” (1974) утверждал: *“Влияние внетекстовой действительности на формирование художественного видения и художественной мысли писателя (и других творцов культуры). Особенно важное значение имеют внетекстовые влияния на ранних этапах развития человека. Эти влияния облечены в слово (или другие знаки), и эти слова – слова других людей <...>. Роль встреч, видений, “прозрений”, “откровений” и т.п. Отражение этого процесса в романах воспитания или становления, в автобиографиях, в дневниках, в исповедях и т.п. См., между прочим: Алексей Ремизов “Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти” (Бахтин, 1979, с. 365).*

Мемуарная книга А. Ремизова, которую упомянул М. Бахтин, посвящена детским и отроческим годам жизни писателя (1877–1897), или, как определил ее сам Ремизов в письме А.Ф. Рязановской (1 марта 1949 г.): *“с колыбели до университета”* (Ремизов, 1986, с. 288). И главная ее тема – тема осознания своего места в мире. Причем процесс этого осознания связан с мотивом “прозрения”. Парадоксальность самого заглавия книги может быть объяснена биографическим (бытовым) фактом: писатель с детства плохо видел, минус 11 диоптрий (см. главу

“Слепец” книги “Подстриженными глазами”), а в конце жизни почти полностью ослеп. Но сам Ремизов склонен был истолковывать смысл этого выражения символически: *“Подстриженные глаза” это значит: спускающаяся на глаза пелена Майи прорезана, мир “кувырком”, Эвклидовы аксиомы нарушены. Из трех измерений переход к четвертому измерению, в мир сновидений. Эти глаза подняли меня в звездный мир; они открыли мне дорогу в подземную глубь черной завязи жизни”* (Кодрянская, 1977, с. 378). В конечном счете, дефект зрения физического, т.е. “внешнего”, компенсируется у Ремизова развитием зрения особого, “внутреннего”. Иначе говоря, чтобы *прозреть* – писателю вначале необходимо было *ослепнуть*. Для понимания этой темы особенно важным оказывается эпизод, который становится для Ремизова во многом загадочно-пророческим. Это – встреча с городским юродивым Федей. *“Мы возвращались после уроков гурьбой. Навстречу Федя – издали он завидел нас и руками что-то показывал. А когда мы с ним поравнялись и я очутился лицом к лицу и полез было в карман, не найду ли “завалищего”, чего дать ему, я невольно почувствовал – уже не третьи, как обычно, а десятые его глаза, из самой глубины, смотрят на меня. И вдруг, как порезанный, вздрогнув – и все его кастрюли разом грохнули, – он отшатнулся и, наклонив голову, плюнул мне в лицо – прямо в глаза. Я только заметил, что стоим мы друг против друга одни – все разбежались. С восторгом заметил он свое “Каульбарс-Кайямас!” и, круто повернувшись, пошел. А уж собрался народ, видели! И шептались. Я утерся рукавом, платка никак не мог отыскать, и тоже пошел. <...> Пока я дошел до дому, не только на Старой Басманной, Садовой, Землянке, а и вся Таганка, все знали и повторялось: “Федя юродивый найденковского племянника оплевал!”* (Ремизов, 2000, с. 151–152).

Второй раз этот же случай Ремизов вспоминает в книге “Учитель музыки”, при этом уточняя некоторые детали: *“В ту осень мне в памяти встреча, много раз я вспоминал о ней и не мог разгадать. На Земляном валу, по Басманной, и в Лефортове ходил юродивый, – святой человек. Звали его “Пластырь”: очень помогал во всех бедах и напастях. Ходил он с палкой, как слепой, хотя на глаза не жаловался, а говорили про него, что от него ничего не скроешь, насквозь человека видит. Его и побаивались и ухаживали. С детьми он был всегда ласков. Собаки его не трогали, и дети не боялись. Но и самые озорные при нем не вызывали. <...> Мы гурьбой возвращались из училища по Старой Басманной. И у церкви Никиты Мученика мы его заметили. Я различил его по особенному свету, ни у кого я такого не видел, серебро в голубом. Мы приостановились, ждали, что он нам что-нибудь скажет, отчего бывало всегда весело, и еще какое-то любопытство всегда тянуло посмотреть на него поближе: он не похож был ни на кого, – ни на каких фабричных, ни на каких купцов, ни на каких учителей, – не молодой, не старый, и стар, и молод, лицо его просвечивало – и это поражало, а разбитая кастрюлька, которая моталась у него на груди, вызывает жалость. Поравнявшись с нами, он споткнулся, и я почувствовал: на меня смотрит – и я не узнал его – густой, серый дым, вскипая, искрами лился из его глаз. И вдруг, запрокинув голову, под жалкий звяк кастрюльки, он судорожно нагнулся, и плюнул мне в лицо и еще и еще, – и что-то кричал, угрожая. Потом, ворча, сторонясь, прошел. Я стоял один, все разбежались. Я никак не мог понять, что такое я сделал, или какое черное пятно разглядел он у моего сердца?”* (Ремизов, 1983, с. 197–198).

Весь этот непонятный (и для самого Ремизова, а тем более – для читателя) эпизод не поддается, по мнению А. Синявского, рациональному анализу и

однозначному истолкованию: плевков юродивого Феди может пониматься и как “знак несмыслимого позора и стыда” (Синявский, 1987, с. 37), и в то же время – совершенно иначе: “Ремизов и уничтожен, и преображен плевком ясновидящего Феди <...>” (Синявский, 1987, с. 38).

Чтобы хоть отчасти расшифровать этот загадочный эпизод, требуется сделать допущение: перед нами типичный случай поведения юродивого – странного, чудного, парадоксального. И расшифровывать его нужно, учитывая парадоксальность поведения юродивого – логическую парадоксальность его символических жестов. Зрелище юродства, как показал А.М. Панченко, разыгрывается на глазах у грешной толпы, обычно неверно истолковывающей поведение юродивого (Панченко, 1984, с. 102–113). И именно точка зрения толпы на этот жест юродивого косвенно представлена и в реакции самого Ремизова, и в реакции окружающих (ср. такие характерные реплики: “видели”, “шептались”, “все знали”). Именно с точки зрения толпы плевков юродивого (святого человека) может быть понят как знак позора и унижения. Этот взгляд на ситуацию Ремизов, в частности, прочитал в глазах мастера сахарного завода Копейкина: “<...> Суровый приговор за всех: один святой человек оплевал, – другой святой человек не благословил, стыд и позор!” (Ремизов, 2000, с. 161).

Другой “святой человек” – это Иоанн Кронштадтский, благословения которого Ремизов не получил по недоразумению. Но святость Иоанна Кронштадтского и святость юродивого Феди – суть разные в своем проявлении. Иоанн Кронштадтский олицетворяет официальную, законную, традиционную святость, в то время как Федя-юродивый – неофициальную, так сказать, “внезаконную”. И если случай с Иоанном Кронштадтским, не благословившим мальчика Алексея Ремизова, может восприниматься вполне однозначно (как знак недостойности, греха и позора), то с плевком Феди дело обстоит сложнее. Как известно, парадоксально-загадочные жесты юродивого могут и должны пониматься и прямо противоположным образом – как, например, жест Василия Блаженного, который камнем разбил чудотворный образ Божией матери (см.: Панченко, 1984, с. 104). Поэтому плевков юродивого Феди может быть истолкован не как знак позора и унижения, а как знак особой отмеченности, своего рода признания и “благословения”. Отмеченная и подчеркнутая “отверженность” Ремизова приобретает тогда совершенно другой смысл: ведь “унизил” и “отверг” его самый “униженный”, самый “отверженный”. Жест юродивого Феди можно понимать и так: Ремизов тоже суждено быть отверженным, изгоем. И тогда весь этот случай приобретает смысл признания и явления окружающим юродства самого Ремизова. И если “законный” святой (Иоанн Кронштадтский) не заметил и не благословил, то “внезаконный” святой (Федя-юродивый) заметил и благословил (пусть и таким странным, парадоксальным образом).

Нужно заметить и другое. Ремизов, дважды вспомнив этот эпизод с Федей-юродивым, тоже пытается его понять, объяснить и для себя, и для читателя. В автобиографической книге “Учитель музыки” в качестве объяснения он предлагает свой сон, столь же (если не более) загадочный, почти не поддающийся дешифровке. Как представляется, такое странное, загадочное объяснение загадочного автобиографического факта сродни поведению юродивого, который общается с миром посредством парадоксальных загадок. Именно так поступает в данном случае и своего рода юродивый Ремизов. То, что Ремизов был хорошо знаком с парадоксальными жестами исторических юродивых, не вызывает сомнений.

В связи с плевком Феди-юродивого нужно вспомнить также и парадоксальность, амбивалентность русских пословиц вроде: *“Хоть плюй в глаза – и то Божья роса!”*; *“Ему хоть плюй в глаза, а он говорит: “Божья роса!”* (см.: Даль, 1956, т. I, с. 123). Таким образом, плевок Феди-юродивого может быть понят как “возвышение” Ремизова – через “унижение” (что, собственно, и составляет один из главных императивов в поведении юродивого). Еще один подтекст, проливающий свет на случай с Федей-юродивым, приводит сам Ремизов. Это IX глава Евангелия от Иоанна, где рассказывается, как пишет Ремизов, *“об исцелении слепорожденного, как Христос, плюнув на землю, брением помазал слепому глаза и велел промыть – и слепой, промыв глаза, прозрел. Я чутко прислушивался к разговорам. Но как и чем это меня касалось? Разве я слепорожденный? И тогда, ведь я так и спать лег не умывшись! И где эта купель Силоам или что заменило бы купель: какое ключевое слово или какая “роковая” встреча?”* (Ремизов, 2000, с. 153). Упомянутый Ремизовым евангельский текст рассказывает о чуде, совершенном Христом: *“<...> Он плюнул на землю, сделал брение¹ из плюновения и помазал брением глаза слепому. И сказал ему: пойдти, умойся в купальне Силоам, что значит: “посланный”. Он пошел и умылся, и пришел зрячим”* (Иоанн IX, 6–7). По аналогии с евангельской притчей плевков юродивого Феди должен восприниматься Ремизовым как то же, что совершил Христос брением из плевка: заставил прозреть, но не столько в физическом смысле, сколько в символическом. Так и Ремизов, благодаря “брению” Феди-юродивого, прозрел и увидел свою истинную сущность и свою судьбу – судьбу юродивого. Таковым он и виделся многим своим современникам.

Писатель Ф. Степун, пытаясь воссоздать образ А. Ремизова, вспоминал: *“Странная внешность <...> если изорвать его поношенный тиджачишко в рубище – Ремизов превратится в юродивого под монастырской стеной”* (Степун, 1956, с. 298). Впечатление Степуна не было исключительным – Б. Зайцев также отметил эту черту образа Ремизова: *“Может быть, и юродство народное времен тезки, Алексея Тишайшего, отозвалось, но органически: этого не подделаешь. Допускаю, что сам он знал эту свою черту и несколько ее в себе “выращивал”* (Зайцев, 1989, с. 508).

По свидетельству самого Ремизова, с образом юродивого ассоциировался он и для В. Короленко: *“Короленко сравнивал меня – видел он в Нижнем на ярмарке: в руках на прутике нанизаны петли, гвоздики, железки, идет, погремущей позвякивает и сам чему-то радуется. Горький нетерпеливо: “Библией мух бьете!”* (Ремизов, 2003, т. 10 с. 281).

Чудачества, розыгрыши, “безобразия” Ремизова, его необычные внешность и поведение, – все эти случаи, запечатленные на страницах мемуаров, неизбежно вызвали представление о нем как о юродивом².

Как представляется, в “юродстве” Ремизова надо видеть не субъективные впечатления мемуаристов, а глубоко осознанный писателем тип поведения, как в жизни, так и в литературном творчестве³. Без его анализа трудно объяснить многие факты и интенции биографии и литературного творчества Ремизова, а тем более – его автобиографический миф о самом себе.

СНОСКИ

- ¹ Старославянское «брение» – «глина, грязь»; бренный – «взятый от земли, от праху; скудельный, непрочный, слабый» (см.: *Даль*, 1956, т. I, с. 127).
- ² См.: Кодрянская 1959, с. 15–16, с. 44, с. 102–103; Анненков, 1991, с. 219–220; Белый, 1990, с. 65; Пяст, 1997, с. 35–37; Берберова, 1972, с. 307; Чулков, 1930, с. 161; Одоевцева, 1988, с. 208–209; Федин, 1968, с. 120; Дейч, 1985, с. 276–280; Гофман, 1993, с. 373; Шаховская, 1991, с. 132; Резникова, 1980, с. 138–139; Никитин, 1994, с. 228; Бунич–Ремизов, 1994, с. 268; Газданов, 1971, с. 571–574.
- ³ Критик И. Ильин о юродстве Ремизова писал как об очевидном явлении: «В ряду замечательных русских «юродивых» А.М. Ремизов есть явление особое, небывалое. Он юродивый в пределах культуры – умный, образованный, даровитый художник, со своим значительным, но юродивым видением, с самобытным, но юродивым литературным словом» (Ильин, 1991, с. 100). Более подробно о феномене юродства в биографии и творчестве А. Ремизова см.: Доценко, 2000, с. 114–137.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков, Ю. (1991). *Дневник моих встреч: Цикл трагедий*. [Л.], с. 199–216.
2. Бахтин, М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство.
3. Белый, А. (1990). *Между двух революций*. Москва.
4. Берберова, Н. (1972). *Курсив мой: Автобиография*. München: Fink Verlag.
5. Гофман, М. (1993). *Петербургские воспоминания. – Воспоминания о серебряном веке*. Москва: Республика, с. 367–378.
6. Даль, В.И. (1956). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва. Т. I–IV.
7. Дейч, А. (1985). *День нынешний и день минувший: Литературные впечатления и встречи*. Москва, с. 275–280.
8. Добужинский, М. (1987). *Воспоминания*. Москва: Наука, с. 229–232, с. 276–278.
9. Доценко С.Н. (2000). *Проблемы поэтики А.М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества*. Tallinn: TPÜ Kirjastus.
10. Жития (1995). *Жития византийских святых*. СПб.: Terra Fantastica.
11. Зайцев, Б. 1989. *Голубая звезда. Повести и рассказы. Из воспоминаний*. Москва
12. Ильин, И.А. (1991). О тьме и просветлении. Книга художественной критики: *Бунин. Ремизов. Шмелев*. Москва: Скифы, с. 81–134.
13. Кодрянская, Н. (1959). *Алексей Ремизов*. Париж.
14. Кодрянская, Н. (1977). *Ремизов в своих письмах*. Париж.
15. Никитин, В. (1994). “Кукушкина”: (Памяти А.М. Ремизова). – Ремизов А. *Павлиньим пером*. СПб.: Logos, с. 214–221.
16. Одоевцева, И. (1988). *На берегах Невы*. Москва.
17. Панченко, А. (1984). Смех как зрелище. – Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко, Н.В. *Смех в Древней Руси*. Ленинград: Наука, с. 72–153.
18. Пяст, В. (1997). *Встречи*. Москва: Новое литературное обозрение.
19. Ремизов, А. (1983). *Учитель музыки: Каторжная июллия*. Paris: La Presse Libre.
20. Ремизов, А. (1986). *Letters from Alexei Remizov – Russian Literature Triquarterly*. Vol.19. р. 267–300.
21. Ремизов, А. (2000). *Собрание сочинений. Подстриженными глазами. Иверень. Т. 8*. Москва: Русская книга.
22. Ремизов, А. (2003). *Собрание сочинений. Петербургский буерак. Т. 10*. М: Русская книга.
23. Резникова, Н. (1980). *Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове*. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties.
24. Синявский, А. (1987). Литературная маска Алексея Ремизова. – *Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer*. Ed. G.Slobin. Columbus (Ohio), с. 25–39.
25. Степун, Ф. (1956). *Бывшее и несбывшееся*. Нью-Йорк.
26. Тыркова-Вильямс, А.В. (1993). Тени минувшего: Встречи с писателями. – *Воспоминания о серебряном веке*. Москва: Республика, с. 322–342.
27. Федин, К. (1968). *Горький среди нас: Картины литературной жизни*. Москва.
28. Чулков, Г. (1930). *Годы странствий*. Москва: Федерация.
29. Шаховская, З. (1991). *В поисках Набокова. Отражения*. Москва: Книга, с. 121–133.
30. Яновский, В. (1993). *Поля Елисейские: Книга памяти*. СПб.: Пушкинский фонд.

Summary

The article uncovers an episode from the book of memoirs “Podstrizhennymi glazami” by writer A. Remizov (meeting Fedja the “God’s fool”). This episode reveals the subject of discernment as a way of self-perception through the prism of being a “God’s fool”. In Remizov’s specific conception of being a “God’s fool” must be seen the deliberate way of behaviour created by the author, both in everyday life and in literary work. Without analysing this specific conception it is almost impossible to explain numerous facts and intensions in Remizov’s biography and literary works. That especially concerns the autobiographical myth about himself.

Key words: *Russian literature, memoirs, poetics, autobiographical myth, Remizov.*

Kopsavilkums

Rakstā aplūkota epizode no krievu rakstnieka A. Remizova memuāru grāmatas “Podstrizhennymi glazami” – tikšanās ar Fedju-plānprātiņu. “Plānprātība” A. Remizova darbā uzlūkojama par dziļi apzinātu rakstnieka uzvedības tipu kā dzīvē, tā arī daiļradē. Tas ir veids, kā izprast sevi un nākt pie „apgaismības”. Šīs parādības analīze ir svarīgs starpposms daudzu A. Remizova dzīves un daiļrades faktu un intencu skaidrojumā. Īpaši liela nozīme tai ir A. Remizova autobiogrāfiskā mīta izpratnē.

Atslēgvārdi: krievu literatūra, memuāri, poētika, autobiogrāfiskais mīts, A. Remizovs.